

Научная статья

УДК 327+332.14 (510)

DOI: 10.21209/2227-9245-2025-31-4-74-83

Китайский приграничный регионализм: новая модель безопасности и развития

Татьяна Николаевна Кучинская^{1,2}¹Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия²Забайкальский научный центр Института истории, археологии и этнографии народов ДВО РАН, г. Чита, РоссияKuchinskayaTN@zabgu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6335-3159>

Приграничные регионы как особые политические пространства сталкиваются с многофакторным влиянием социокультурных процессов, происходящих на национальном, региональном, двустороннем и наднациональном уровнях. Анализ данных процессов развивается в междисциплинарном поле приграничных исследований. Специфические национально-страновые практики развития приграничья формируют устойчивые модели приграничного регионализма. Объект исследования – китайский приграничный регионализм как объективная социокультурная реальность, которая оказывает воздействие на соседние страны. Теоретическую и практическую значимость приобретает анализ содержания и практик китайского приграничного регионализма в контексте определения потенциалов и ограничений российско-китайского приграничного взаимодействия в условиях «поворота» на Восток. Описание факторов и условий формирования китайского приграничного регионализма, нормативно-правовой базы и этапов развития, выявление значимых характеристик новой модели безопасности приграничных регионов КНР являются ключевыми задачами работы. Исследование выстроено в рамках комплексной методологии приграничных региональных исследований. Основными методами исследования выступили анализ публикаций по теме на китайском языке, факторный и уровневый анализ новой модели, описание региональных практик и социально-экономических параметров. Проведённый контент-анализ нормативно-правовой базы приграничной политики КНР и работ китайских авторов по теме исследования позволил получить новые результаты. Выявлено, что безопасность приграничных регионов КНР находится под воздействием ряда внутренних и внешних угроз и вызовов. К ним относятся приграничные территориальные споры, международную конкуренцию, доступность транспортных коридоров, отток населения из приграничных районов, бедность, незаконную миграцию, низкий уровень инновационного развития, урбанизации и т. д. В ответ на данные вызовы предполагается конструирование новой модели приграничной безопасности с учётом теоретических, нормативно-правовых, инновационно-технологических, антропологических аспектов в условиях новой международной. В новой концепции пересмотрены роль и место приграничных районов в национальном развитии и представлены новые требования к управлению безопасностью границ. Приведённое в работе построение новой архитектоники пространственного развития в Северо-Восточном регионе КНР требует дальнейшего анализа в ракурсе развития российско-китайского приграничного и трансграничного взаимодействия.

Ключевые слова: международные региональные исследования, приграничный регион, управление развитием приграничных территорий, потенциалы и ограничения развития приграничных регионов, китайский приграничный регионализм, безопасность приграничных регионов КНР, российско-китайское трансграничье, Забайкальский край, Северо-Восток КНР, поворот на Восток

Финансирование. Статья подготовлена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема № 124110700039-6 «Оценка пространственной корреляции потенциалов и ограничений регионального развития»).

Для цитирования

Кучинская Т. Н. Китайский приграничный регионализм: новая модель безопасности и развития // Вестник Забайкальского государственного университета. 2025. Т. 31, № 4. С. 74–83. DOI: 10.21209/2227-9245-2025-31-4-74-83.

Original article

China's Border Regionalism: a New Model of Security and Development

Tatiana N. Kuchinskaya^{1,2}¹Transbaikal State University, Chita, Russia²The Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences Institute of History, Archaeology and Ethnology, Transbaikal Scientific Center, Chita, Russia
KuchinskayaTN@zabgu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6335-3159>

Border regions, as distinct political spaces, are subjected to the multifaceted influence of socio-cultural processes occurring at national, regional, bilateral, and supranational levels. The analysis of these processes is developing within the interdisciplinary field of Border Region Studies. Specific national practices of borderland development form models of cross-border regionalism. The object of this work is Chinese cross-border regionalism as an objective socio-cultural reality that exerts an influence on neighboring countries. The analysis of the content and practices of Chinese cross-border regionalism acquires theoretical and practical significance in the context of assessing the potentials and limitations of Russian-Chinese cross-border interaction under the conditions of the "Pivot to the East" policy. The key objectives of this work are to describe the factors and conditions shaping Chinese cross-border regionalism, its regulatory framework, and stages of development, as well as to identify the significant characteristics of the new model for the security of China's border regions. The research is constructed within the framework of a comprehensive methodology for regional border studies. The primary research methods included the analysis of Chinese-language publications on the topic, factor-based and level-based analysis of the new model, and the description of regional practices and socio-economic parameters. A conducted content analysis of the regulatory framework of China's border region policy and the works of Chinese authors on the research topic has yielded new results. It is revealed that the security of China's border regions is impacted by a range of internal and external threats and challenges. These include: cross-border territorial disputes, international competition, the accessibility of transport corridors, population outflow from border areas, poverty, illegal migration, and a low level of innovative development and urbanization, among others. In response to these challenges, the construction of a new model of border security is proposed, one that considers theoretical, regulatory, innovation-technological, and anthropological aspects under conditions of new internationality. This new concept revises the role and place of border areas in national development and presents new requirements for border security management. The construction of a new architectonics for spatial development in China's Northeastern region, as presented in this work, requires further analysis from the perspective of developing Russian-Chinese cross-border and transboundary interaction.

Keywords: international regional studies, border region, border territory development management, potentials and limitations of border region development, Chinese cross-border regionalism, security of China's border regions, Russian-Chinese Cross-border cooperation, Transbaikal Region, China's North-East region, Pivot to the East

Funding: the report was carried out within the state assignment of Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (topic No. 124110700039-6 "Spatial Correlation Assessment of Regional Development Potentials and Limitations")

For citation

Kuchinskaya T. N. China's Border Regionalism: A New Model of Security and Development // Transbaikal State University Journal. 2025. Vol. 31, no. 4. P. 74–83. DOI: 10.21209/2227-9245-2025-31-4-74-83.

Введение. Современный мир всё чаще характеризуется как нестабильный, динамичный, подверженный кризисам, в частности финансово-экономическим, геополитическим, социокультурным, гуманитарным, экологическим. Мировая архитектура новой эпохи утрачивает былую фрагментарность, локальную замкнутость, становится проницаемой и небезопасной, что заставляет задуматься об общей судьбе и путях устойчивого развития. На смену государственно-централизованной парадигме развития приходят региональные и трансрегиональные парадигмы интеграции. Смена парадигмы актуализирует поиск нового гуманитарно-научного образа

мира, инновационных методов его исследования и конструирования.

В подобных условиях особое значение приобретают исследования развития приграничных регионов как буферных пространств межцивилизационных взаимодействий и контактных звеньев новой системы коммуникаций. Граница как один из «наиболее динамичных элементов территориальных систем, безусловно, влияет на региональное развитие, продуцируя в приграничных районах так называемый «феномен приграничности»» [1, с. 44]. Приграничные исследования (или пограничные/фронтирные исследования, англ. Border Studies and Border Region Studies, кит.

яз. 边疆研究/边疆区研究) развиваются как новая междисциплинарная область, которая фокусируется на изучении границ и пограничных территорий, используя методологический инструментарий различных научных дисциплин: географии, социологии, культурологии, истории, геополитики, экономики и др. Специфические национально-страновые практики развития приграничья формируют устойчивые модели приграничного регионализма. Данная работа посвящена анализу китайского приграничного регионализма как наиболее значимого для развития восточных приграничных территорий России в условиях политики «поворота» на Восток и расширения сотрудничества со странами Восточной Азии (2012 г.) [2].

Актуальность исследования. Приграничное сотрудничество с КНР в конце XX – начале XXI в. стало неотъемлемой частью отечественной внешнеэкономической стратегии. Восточные территории в условиях разрушения внутрирегиональных связей 90-х гг. XX в. оказались на пути расширения сотрудничества с приграничными странами Северо-Восточной Азии, в первую очередь с Китаем. Развивающаяся система трансграничных взаимодействий за годы реализации обрела прослеживаемую структуру и институциональное оформление. Программы приграничного сотрудничества на восточных рубежах в академическом дискурсе описывались в рамках так называемой «азиатской (китайской) модели регионализма [3] (трансграничных регионов «китайского типа» [4]). Для России в новых условиях значимость данной модели постоянно возрастает в контексте определения потенциалов и ограничений развития регионов Дальнего Востока и Арктики, «совместного развития трансграничной инфраструктуры и устранения барьеров для увеличения товарооборота, туризма и производственной кооперации в приграничных районах»¹. Актуальность и научная значимость проблематики определяют объект, предмет, цель и задачи исследования.

Объект исследования – китайский приграничный регионализм как объективная социокультурная реальность, которая оказывает воздействие на соседние страны.

Предмет исследования – содержание и практики китайского приграничного регионализма, требующие анализа в контексте

¹ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 г. с прогнозом до 2036 г.: [утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 4146-р] // Министерство экономического развития РФ. – М., 2024. – 76 с.

определения потенциалов и ограничений российско-китайского приграничного взаимодействия.

Цель исследования – выявить специфику модели обеспечения безопасности и развития приграничных районов КНР на современном этапе.

Задачи исследования: описание факторов и условий формирования китайского приграничного регионализма; систематизация нормативно-правовой базы и этапов реализации политики открытости в контексте социально-экономического развития приграничных регионов КНР, выявление на основе анализа китайских работ специфических характеристик новой модели развития комплексной безопасности приграничных регионов КНР, значимых для развития российско-китайского взаимодействия.

Методология и методы исследования. Исследование выстроено в рамках комплексной методологии регионологических исследований, позволившей определить ключевое понятие «приграничный регион КНР» и связанные с ним концепты – «приграничный регионализм», «приграничный пояс открытости», «приграничное сотрудничество», «зоны приграничной торговли», «приграничные города». Контент-анализ нормативно-правовой базы приграничной политики КНР и работ китайских авторов по теме исследования позволил представить специфические характеристики концептуальной модели безопасности приграничных районов КНР.

Разработанность темы исследования. Исследование опирается на три группы источников. Первая группа работ посвящена теоретическим основам приграничных исследований в целом и анализу российско-китайских практик [4–8]. Вторая группа исследований представляет собой комплексный анализ современного состояния российско-китайских межрегиональных приграничных связей [8–14]. Третья группа представлена научными публикациями китайских учёных по теме исследования [15–20].

Значимым источником эмпирических данных выступили материалы официальных сайтов правительства КНР (Информационный отдел Госсовета КНР, Министерство торговли КНР) и сообщения информационных агентств (Синьхуа (<https://russian.news.cn/>), Жэньминь жибао – Online (<https://russian.people.com.cn/>), Китайский информационный Интернет-центр (<http://russian.china.org.cn/>) и др.).

Результаты исследования. Китай в контексте модернизации с китайской специфи-

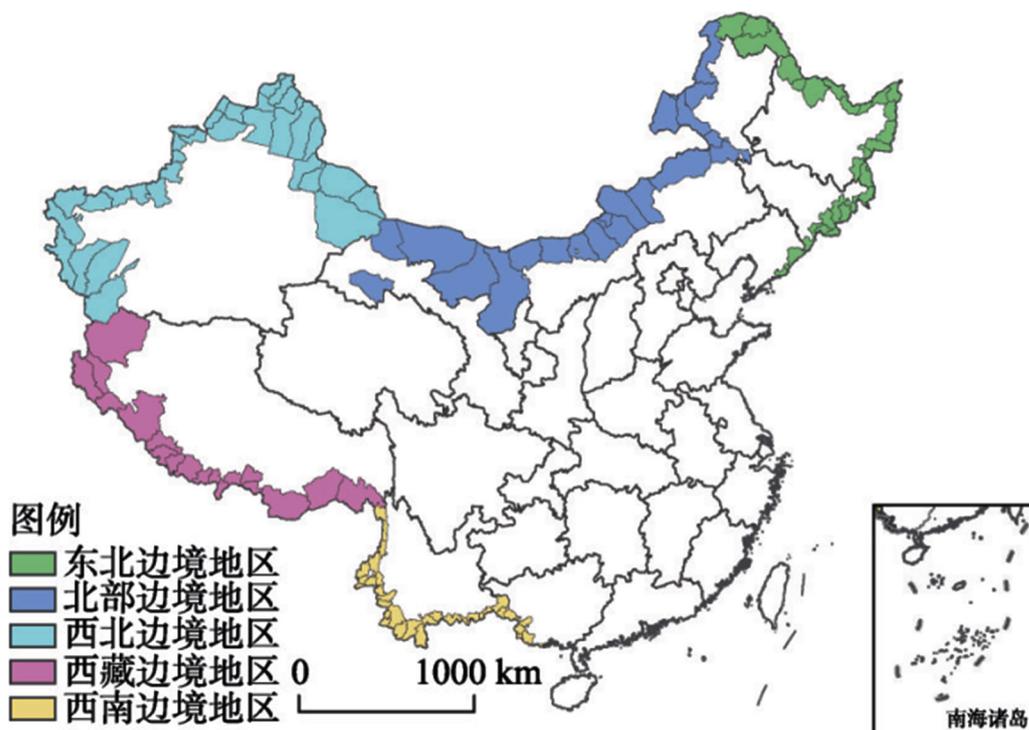
кой, которая отличается жёсткими индикаторами и параметрами её достижения, в 2025 г. акцентировал внимание на модернизации и комплексной безопасности приграничных регионов в новую эпоху. Анализ научного и общественно-политического дискурса проблематики показал повышенный интерес к теоретическим аспектам конструирования новой модели управления комплексной безопасностью приграничных регионов [15; 16; 18] и разработке программных практических мер по дальнейшему социально-экономическому развитию приграничных районов и сокращению бедности на основе имеющегося опыта в новых геополитических условиях [17].

В целом китайский приграничный регионализм является одним из самых сложных в мире [3; 19], что обусловлено рядом факторов: протяжённостью сухопутных границ, этническими и религиозными аспектами развития в приграничных районах, уровнем социально-экономического развития, геополитическими реалиями политики «реформ и открытости» КНР (с 1978 г.), континентальной транспортной замкнутостью в сравнении с прибрежными районами страны, отказом от традиционной модели управления пространственно-региональным развитием

«центр-периферия» в условиях рыночных преобразований, включением в трансграничную регионализацию в рамках политики «открытости» и глобальной инициативы «Пояса и пути» и др.

В соответствии с «Планом по развитию приграничных территорий и борьбы с бедностью» (Постановление Госсовета КНР от 28 мая 2017 г. № 50) «приграничные районы Китая включают 140 наземных пограничных зон (городов, округов, хошунов) и 58 пограничных участков Синьцзянского производственно-строительного корпуса», 9 приграничных провинций, составляющих северо-восточный, северный, северо-западный и юго-западный приграничные регионы (рисунок).

Китай имеет сухопутную границу с 14 странами протяжённостью около 22 тыс. км, из которых более 19 тыс. приходится на районы национальных автономий. Из 23 млн человек, проживающих в приграничных районах, около 50 % являются представителями этнических меньшинств. Соответственно, укрепление национальной обороны в китайском пограничье традиционно тесно связано с вопросами национального единства, ростом благосостояния населения в целом, преодолением региональных разрывов.

Приграничные регионы КНР / China's Border Regions [20]

Безопасность приграничных регионов КНР обусловлена комплексом внутренних, внешних угроз и вызовов, к которым относят приграничные территориальные споры и вооружённые столкновения (на границе с Индией), растущую конкуренцию в мировой торговле, в том числе электронной, доступность транспортных коридоров, отток населения из приграничных районов, бедность, незаконную миграцию, низкий уровень инновационного развития, урбанизации и др. В ответ на данные вызовы предполагается конструирование новой модели приграничной безопасности с учётом теоретических, нормативно-правовых, инновационно-технологических, социально-антропологических аспектов в условиях новой международной.

Начиная с 1949 г., исследования пограничных вопросов и управления границами в КНР включены в такие темы, как «национальный вопрос» и «национальная политика», а основные меры по развитию приграничных районов часто относились к национальной (этно-религиозной, демографической) политике. После знаменательного III пленума ЦК КПК 11-го созыва (1978 г.) фокус работы постепенно сместился на экономическое строительство, а экономико-культурное освоение районов проживания этнических меньшинств в приграничных регионах стало основной задачей Компартии КНР в новую эпоху. Как системный проект по содействию модернизации приграничных территорий с выделением социально-экономических параметров, программа начинает действовать с 1999 г., в том числе посредством включения пограничных вопросов в государственный проект по развитию Западного региона КНР, охватывающего более 72 % территории современного Китая. Отдельным предметом исследования и управления приграничные территории КНР становятся в рамках 11, 12 и 13-го пятилетних социально-экономических планов Госсовета КНР «по развитию приграничных территорий и борьбы с бедностью».

Так, в 2017 г. Госсовет КНР принял пятилетний План действий по развитию приграничных районов и сокращению бедности до 2020 г. и с перспективой до 2025 г.¹ (далее –

План). Основными принципами развития приграничных территорий в Плате определены:

- 1) ориентация на численность и благополучие жителей приграничья;
- 2) достижение комплексной экономической мощи территорий;
- 3) преодоление бедности;
- 4) обеспечение национальной обороны;
- 5) внедрение инноваций;
- 6) развитие транспортной, энергетической и цифровой инфраструктуры в городских и сельских районах;
- 7) региональная специализация промышленности;
- 8) реализация экологических проектов.

Ключевыми проектами Плана выступили: строительство железнодорожных коридоров (Евразийский континентальный мост, Коридор «море-суша» в Северо-Восточной Азии; строительство пограничной железной дороги между Китаем и Северной Кореей; строительство железнодорожных коридоров между внутренними и приграничными районами Юго-западного Китая: строительство коридора Сычуань-Тибет, Синьцзян – Центральный Китай), строительство приграничных дорог в направлениях Китай-Индия, Китай-Северная Корея, Китай-Мьянма, Китай-Россия и Китай-Монголия; авиационное и судоходное строительство в приграничных районах; строительство международных водных транспортных каналов, таких как речной коридор Ланьцанцзян-Меконг; ускорение темпов строительства энергетических объектов в приграничных районах, достижение электроснабжения и обеспечения доступа к сети Интернет всех приграничных районов к 2020 г.; содействие росту урбанизации в приграничных территориях.

Активное включение приграничных территорий КНР в процессы трансграничной интеграции обусловило необходимость пересмотра принципов управления безопасностью границ, которое на современном этапе подразумевает управление не только традиционными и нетрадиционными видами угроз безопасности во внутренних приграничных районах, но и трансграничными процессами, связанными с безопасностью соседних стран и регионов [16, с. 5]. В теоретическом плане основными инструментами новой модели управления приграничной безопасностью на современном этапе, по мнению китайских учёных, выступают политико-административная и нормативно-институциональная поддержка, социально-экономические меры развития приграничных регионов, укрепле-

¹ Гоуянь иньфа “син бьянь фуминь синдун “шисань” гуйхуа” = Госсовет КНР принял 13-й пятилетний план действий по развитию границ и сокращению бедности. Решение Госсовета КНР № 50 от 28 мая 2017 г. – Текст: электронный // Информационный отдел Госсовета КНР: [офис. сайт]. – URL: http://www.scio.gov.cn/gwyzclxcfh/cfh/2017n_14540/2017n06y16r/wjxgzc_14651/202208/t20220808_297922.html (дата обращения: 25.05.2025).

ние военной обороны, внедрение цифровых инноваций, развитие новых инструментов «приграничной дипломатии» [15, с. 8].

Так, в работе Ван Янина [Там же] представлена пятиаспектная модель развития комплексной безопасности приграничных регионов КНР, включающая приведённые далее аспекты.

1. Концептуальное переосмысление: формирование теории пограничной безопасности с китайской спецификой, которая представляет собой систему знаний, основанную на научном понимании угроз и вызовов безопасности границ, конкретных условий и проблем с учётом региональной специфики. Теоретические исследования по вопросам безопасности границ должны быть увязаны с реальными потребностями приграничных районов КНР. Важным является исследование политических систем и моделей пограничного управления в соседних странах.

2. Правовое регулирование и контроль. Китай добился хороших результатов в становлении правового режима безопасности границ. Приняты и реализованы Законы КНР «О сухопутных границах» (2021 г.), «О санитарно-карантинном надзоре в пунктах пропуска через государственную границу» (первая редакция 1986 г., поправки 2018 г.), «Об экспертизе импортно-экспортных товаров» (1989 г., поправки 2013 г.), «Об экспортном контроле» (2020 г.), «О внешних связях» (2023 г.). На данном этапе приоритетными задачами становятся контроль и надзор за безопасностью границ, развитие международного сотрудничества по вопросам трансграничного взаимодействия.

3. Международное сотрудничество, которое по вопросам безопасности границ предполагает осознание общности проблем с соседними странами и налаживание сотрудничества (по вопросам трансграничной преступности, незаконной миграции на юго-западе, международного терроризма и работоторговле на северо-западных границах, военной безопасности в Центральной и Северо-Восточной Азии). Следующим этапом международного сотрудничества является создание сообщества по вопросам безопасности границ.

4. Внедрение цифровых инструментов обеспечения пограничной безопасности: в Китае началось обустройство «умных границ» (опыт США после атак 11 сентября 2001 г., опыт Европы в ковидный период). На пунктах пропуска установлены оборудование для наблюдения, камеры для распознавания

лиц, мобильные терминалы, беспилотные летательные аппараты, инфракрасные детекторы для контроля границ, 100 % покрытие мобильным интернетом в приграничных районах. Внедрение блок-чейн технологий, Интернета вещей, облачных технологий и другого высоко-технологического оборудования является необходимым атрибутом обеспечения безопасности границ на современном этапе.

5. Соблюдение принципа «Человек – в основе». С точки зрения человекоориентированности новой модели безопасности речь идёт о необходимости народосбережения (предотвращения оттока населения, улучшения демографических показателей) и развития человеческих ресурсов на пограничных участках, включая как приграничных жителей, так и тех, кто посещает приграничные районы в целях туризма. Управление безопасностью в приграничных районах в конечном счёте является управлением людскими ресурсами.

В контексте определения базовых элементов новой модели безопасности приграничных регионов КНР китайские авторы на основе научного подхода систематически рассматривают и анализируют внутренние и международные факторы, обуславливающие изменения в концепции и политике управления безопасностью приграничных регионов Китая после XVIII съезда КПК КНР. В новой концепции пересмотрены роль и место приграничных районов в национальном развитии и представлены новые требования к управлению безопасностью границ [18].

Особое значение приграничные регионы КНР приобрели в рамках реализации инициативы «Пояса и пути» (2016 г.). Увеличившиеся транснациональные потоки капитала и количество трансграничных сделок открыли многочисленные возможности для развития приграничных регионов в условиях трансграничной интеграции и включения в глобальную экономическую систему. Приграничные регионы из периферийной зоны превращаются зоны пересечения интересов соседних стран, торговые порты, опорные узлы и кластеры, выполняя важную функцию открытости с внешним миром. По состоянию на январь 2016 г. в КНР функционировали 123 особые зоны приграничной торговли, включая 28 приграничных городов, 5 открытых экспериментальных зон, 72 национальных порта, 17 пограничных зон экономического сотрудничества и 1 трансграничную зону экономического сотрудничества. Соответственно, в приграничных районах уже

сформирована многоуровневая, всесторонняя система развития и открытости. Система свободной экономической зоны является важной платформой для развития трансграничного экономического сотрудничества между Китаем и соседними странами. По итогам 13-й пятилетки (2020 г.) «общий объем экспортно-импортных операций в приграничных (трансграничных) зонах достиг 630 млрд юаней, среднегодовой рост составил 9,2 %, а общая стоимость промышленного производства – 360 млрд юаней [16, с. 4].

В феврале 2023 г. Министерство торговли КНР издало «Уведомление о ряде мер, направленных на создание новой модели развития и содействие качественному развитию зон приграничного (трансграничного) экономического сотрудничества» (далее – Уведомление), предполагающее комплекс мер. В Уведомлении указано, что «приграничные и трансграничные зоны экономического сотрудничества являются важной платформой для углубления сотрудничества Китая с соседними странами и регионами, продвижения качественного совместного строительства «Пояса и пути». Приграничные регионы являются связующим звеном и важной формой обеспечения безопасности и развития на трёх уровнях: национальном, приграничном и глобальном¹.

Приграничные районы КНР обширны, но геополитические условия и внутренняя среда их сильно различаются, поэтому формы пограничной безопасности имеют чёткие региональные характеристики. Приграничные районы КНР являются важным пунктом шести экономических коридоров «Пояса и пути», связывающих Китай с Центральной, Южной, Юго-Восточной и Северо-Восточной Азиями. Так, провинция Юньнань КНР позиционируется как «плацдарм сотрудничества Китая со странами Южной и Юго-Восточной Азии», «ворота на юго-западном направлении». Автономный район Внутренняя Монголия (АРВМ) и провинция Хэйлунцзян позиционируются как «важный мост открытости Китая на север». Синьцзян-уйгурский автономный район (СУАР) – «золотой коридор

Евразии и мост открытости Китая на запад». Отечественные учёные особо выделяют Юньнаньскую модель на юго-западе КНР (Трансграничный регион «Большой Меконг») и пространственную модель Северо-Востока КНР (в том числе трансграничную Туманганскую инициативу) [подробнее см.: 10].

Для России особое значение приобретает построение новой пространственной модели трансграничного взаимодействия на Северо-Востоке КНР. Инициированный КНР Северо-восточный коридор «море-суша» проходит через провинции Ляонин, Цзилинь, Хэйлунцзян и 5 аймаков АРВМ, объединяя города-порты Далянь, Инкоу, Цзиньчжоу и другие прибрежные узловые порты, а также экономические сухопутные центры Шэньян, Чанчунь, Харбин и другие в качестве внутренних портовых узлов и логистических хабов, проходящих через Северо-Восток КНР. Коридор является частью Евразийского континентального моста и одним из важнейших инструментов развития приграничных районов Северо-Востока КНР. В феврале 2023 г. представлен «Трёхлетний план действий по комплексному возрождению и новым прорывам в провинции Ляонин (2023–2025 гг.)», в рамках которого провинция выступила опорным пунктом новой пространственной модели «двойной циркуляции» в регионе – «одно кольцо, один пояс, два района». «Одно кольцо» – это городская агломерация, включающая 7 городов провинции: Шэньян, Аньшань, Фушунь, Бэньси, Фусинь, Ляоян и Телин; «Один пояс» – Ляонинский прибрежный экономический пояс интеграции в Северо-Восточную Азию (включает шесть городов: Далянь, Дандун, Цзиньчжоу, Инкоу, Паньцзинь и Хулудао); «Две зоны» – это пилотная зона Ляоси (три города Фусинь, Чаоян и Хулудао), пространство интеграции в зону скоординированного развития Пекин-Тяньцзинь-Хэбэй и «зелёная» экономическая зона Ляодун, которая объединяет 9 уездов провинции в зону «зелёного» развития, «зелёной» экономики с выходом в Бахайское экономическое кольцо.

Выводы. Китайский приграничный регионализм является одним из самых сложных в мире, что обусловлено географическими, этно-религиозными, социально-экономическими, геополитическими условиями. Безопасность приграничных регионов КНР находится под воздействием ряда внутренних (оттока населения из приграничных районов, бедности, миграции села в город, низкого уровня инновационного развития и урбанизации) и внешних (приграничных территори-

¹ Шану бу дэн 17 бумэнь гуаньюй фуу гоуцзянь синь фацжань гэцзюй туйдун бянь (куа) цзин цзинци хэцэ цюй гао чжилян фацжань жогань цоши дэ тунджи = Уведомление Министерства торговли и 17 других ведомств о ряде мер, направленных на создание новой модели развития и содействие качественному развитию зон приграничного (трансграничного) экономического сотрудничества. – Текст: электронный // Министерство торговли КНР. – URL: https://kmtb.mofcom.gov.cn/cms_files/oldfile/wzs/202303/20230316201816795.pdf (дата обращения: 27.05.2025).

альных споров, международной конкуренции, доступности транспортных коридоров) угроз и вызовов. В ответ на данные вызовы предполагается конструирование новой модели приграничной безопасности с учётом теоретических, нормативно-правовых, инновационно-технологических, антропологических аспектов в условиях новой международной. Важными аспектами обеспечения безопасности приграничных территорий КНР являются: пересмотр роли границ и формирование приграничных исследований с китайской спецификой; становление правового режима безопасности границ и трансграничных потоков; расширение международного сотрудничества с соседними странами, создание сообщества по вопросам безопасности границ; внедрение цифровых инструментов и научно-технологических инноваций в обеспечение безопасности границ; внедрение социально-экономических и культурно-гуманитарных практик развития человеческого потенциала в приграничных зонах. В новой концепции пересмотрены роль и место приграничных районов в национальном развитии и представлены новые требования к управлению безопасностью границ.

В дискурсе новых управленческих установок правительства КНР приграничные регионы трансформируются из окраинно-периферийных территорий в зоны пересечения

интересов соседних стран, трансграничные торговые порты, опорные транспортные узлы и кластеры. Многоуровневая система приграничных СЭЗ, включающая специальные зоны приграничной торговли, приграничные города, национальные города-порты, приграничные и трансграничные зоны экономического сотрудничества, выступает важной платформой для углубления сотрудничества Китая с соседними странами, регионами и продвижения межцивилизационного проекта «Пояса и пути». Пространственно-региональные модели развития приграничных регионов КНР отличаются региональной спецификой.

Представленное в работе построение новой архитектоники пространственного развития в Северо-Восточном регионе КНР требует дальнейшего анализа в ракурсе развития российско-китайского приграничного и трансграничного взаимодействия. Так, инициатива Забайкальского края по открытию Международной территории опережающего развития в свете построения новой пространственной модели приграничных территорий Северо-Восточного региона КНР представляется перспективным проектом, направленным на формирование инфраструктуры и логистики приграничного сотрудничества в трансграничной системе Россия – Китай – Монголия, действенным инструментом социально-экономического развития приграничного региона.

Список литературы

1. Морачевская К. А. Феномен приграничности: подходы к интерпретации и роль центр-периферийных градиентов // Региональные исследования. 2022. № 77. С. 44–53. DOI: 10.5922/1994-5280-2022-3-4. EDN: DFVCIE
2. Чжао Хуашэн. Поворот России на Восток и российско-китайские отношения. Текст: электронный // Россия и АТР. 2025. № 2. С. 162–185. URL: <https://clck.ru/3R2r5U> (дата обращения: 01.02.2025)
3. Кучинская Т. Н. Открытый приграничный регионализм в глобальной стратегии Китая: уроки для России // Вестник Читинского государственного университета. 2011. № 1. С. 27–34. EDN: NDCART
4. Себенцов А. Б., Ломакина А. И. Теория и практика трансграничной регионализации. Уроки для России // Полис. Политические исследования. 2025. № 2. С. 61–77. DOI: 10.17976/jpps/2025.02.05. EDN: OUSNXX
5. Себенцов А. Б. Приграничное сотрудничество в порубежье России: в поисках новых подходов и форм // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 4. С. 11–25. DOI: 10.29039/1998-6785/2024-4/11-25. EDN: MHNQUU
6. Трансграничный регион: понятие, сущность, форма: монография / науч. ред. П. Я. Бакланов, М. Ю. Шинковский. Владивосток: Дальнаука, 2010. 276 с.
7. Новиков А. Н. Приграничное положение Забайкальского края в трансграничном трёхзвенном регионе: роль в территориальной организации населения и хозяйства: монография. Чита: ЗабГУ, 2015. 94 с.
8. Дамбаева Н. П. К вопросу о понятии «приграничный регион» // Экономическая среда. 2019. № 4. С. 66–75. EDN: BUWNSG
9. Александрова М. В. Российско-китайские приграничные экономические отношения. М.: ОГНИ, 2005. 262 с.
10. Кучинская Т. Н. Социокультурное пространство трансграничья как ресурс соразвития России и Китая: региональные практики Забайкальского края РФ и Северо-Восточного региона КНР. М.: Восточная книга, 2012. 232 с. EDN VTXKJE

11. Ларин В. Л. Российско-китайские отношения в региональных измерениях (80-е годы XX – начало XXI века). М.: Восток-Запад, 2005. 390 с. EDN: YOKOGU
12. Забайкальский край в трансграничном взаимодействии с КНР (региональное сотрудничество) / под общ. ред. Н. А. Абрамовой. Чита: Экспресс-издательство, 2010. 272 с.
13. Трансграничье России и Китая: региональные практики соразвития: монография / под общ. ред. Н. А. Абрамовой. Чита: ЗабГУ, 2014. 137 с.
14. Российское пограничье: вызовы соседства / под ред. В. А. Колосова. М.: ИП Матушкина И. И., 2018. 562 с.
15. Ван Янин. Чжунго ши сяньдайхуа бэйцин ся бянь цзин аньцюань синь гэцзюй гоуцзянь вэйду = Аспекты построения новой структуры пограничной безопасности в контексте китайской модернизации // Чжунго жэньминь цзинча дасюэ сюэбао = Вестник университета народной полиции Китая. 2025. Т. 41, № 1. С. 5–11.
16. Ли Чжифэй. Куа цзин цюйюй хуа фачжань юй синь шидай Чжунго бяньцзин аньцюань чжили = Трансграничная регионализация и управление безопасностью границ Китая в новую эпоху // Вайцзяо пинлунь = Дипломатический обзор. 2024. Т. 41, № 6. С. 2–23. DOI:10.13569/j.cnki.far.2024.06.001
17. Чжан Лицзюнь, Чжао Цянь, Гун Жунжун. Син бянь фуминь синдун 20 нянь чжэнцэ шиши сяго пинцзя цзи чжаньван = Оценка и перспективы 20-летнего периода реализации политики развития приграничных территорий и действий по сокращению бедности // Чжунян миньцзу дасюэ сюэбао (чжэсюэ шэжухуэй кэсюэ бань) = Вестник Университета нацменьшинств КНР. Философия и общественные науки. 2020. Т. 47, № 6. С. 94–107.
18. Ли Чжифэй. Новые формы и новые смыслы управления безопасностью в приграничных районах Китая в новую эпоху // Journal of Changsha University of Science & Technology (Social Science). 2025. Vol. 40, no. 4. P. 58–70. DOI: 10.16573/j.cnki.1672934x.2025.04.007
19. Новиков А. Н. Роль международных трансграничных трёхзвенных регионов в территориальной организации населения и хозяйства (на примере Забайкальского и Приморского краёв): дис. ... д-ра геогр. наук: 25.00.24. Чита, 2017. 365 с. EDN SCMSJZ
20. Сун Чжоуин, Чжу Цяолин. Чжунго бяньцзин дицзюй дэ чэнчжэнь хуа гэцзюй цзи ци цюйдун ли = Модель урбанизации и ее движущие силы в приграничных районах Китая // Дили сюэбао = Acta Geographica Sinica. 2020. Т. 75, № 8. С. 1603–1616. DOI: 10.11821/dlxb202008004

References

1. Morachevskaya KA. Borderland phenomenon: approaches to interpretation and the role of center-peripheral gradients. *Regional Research*. 2022;(77):44-53. DOI: 10.5922/1994-5280-2022-3-4. EDN: DFCVIE. (In Russian)
2. Huasheng Zh. Russia's pivot to the east and Russian-Chinese relations. *Russia and the Pacific*. 2025;(2):162-185. Available at: <https://clck.ru/3R2r5U> (accessed 01.02.2025). (In Russian)
3. Kuchinskaya T. Opened border regionalism in China's global strategy: lessons for Russia. *Chita State University Journal*. 2011;(1):27-34. EDN: NDCART. (In Russian)
4. Sebzentov AB, Lomakina AI. Theory and practice of cross-border regionalization. Lessons for Russia. *Polis. Political Studies*. 2025;(2):61-77. DOI: 10.17976/jpps/2025.02.05. EDN: OUSNXK. (In Russian)
5. Sebzentov AB. Cross-border cooperation in the Russian borderlands: in search of new approaches and forms. *Oikumena. Regional Researches*. 2024;(4):11-25. DOI: 10.29039/1998-6785/2024-4/11-25. EDN: MHNQUU. (In Russian)
6. Baklanov PYa, Shinkovsky MYu (eds). *Transgranichnyj region: ponyatie, sushchnost', form.* [Transboundary region: concept, essence, form.] Vladivostok: Dal'nauka; 2010. 276 p. (In Russian)
7. Novikov AN. Prigranichnoe polozhenie Zabajkal'skogo kraja v transgranichnom tryokhzvennom regione: rol' v territorial'noj organizacii naseleniya i khozyajstva. [The border position of the Transbaikal Territory in a transboundary three-tier region: role in the territorial organization of the population and economy.] Chita: ZaBGU; 2015. 94 p. (In Russian)
8. Dambaeva NP. To the question of the frontier region concept. *Economic Environment*. 2019;(4):66-75. EDN: BUWNSG. (In Russian)
9. Aleksandrova MV. Rossijsko-kitajskie prigranichnye ehkonomicheskie otnosheniya. [Russian-Chinese border economic relations.] Moscow: OGNI; 2005. 262 p. (In Russian)
10. Kuchinskaya TN. Sociocultural space of transborder area as resource of russia and china co-development: regional practices of RF's Transbaikal region and PRC's Northeast region. Moscow: Vostochnaya kniga; 2012. 232 p. EDN VTXKJE. (In Russian)
11. Larin VL. Rossijsko-kitajskie otnosheniya v regional'nykh izmereniyakh (80- e gody XX – nachalo XXI veka). [Russian-Chinese relations in regional dimensions (1980s – early 21st century).] Moscow: Vostok-Zapad; 2005. 390 p. (In Russian)
12. Abramova NA (ed). *Zabajkal'skij kraj v transgranichnom vzaimodejstvii s KNR (regional'noe sotrudnichestvo).* [Transbaikal Territory in cross-border interaction with the PRC (regional cooperation).] Chita: Ehkspress-izdatel'stvo; 2010. 272 p. (In Russian)

13. Abramova NA (ed). Transgranich'e Rossii i Kitaya: regional'nye praktiki sorazvitiya. [Cross-border relations between Russia and China: regional co-development practices.] Chita: ZaBGU; 2014. 137 p. (In Russian)
14. Kolosov VA (ed). Rossijskoe pogranič'e: vy'zovy' sosedstva. [Russian borderland: Challenges of neighborhood.] Moscow: IP Matushkina II, 2018; 562 p. (In Russian)
15. Wang Yaning. Chzhungo shi syan'daikhua behitszin sya byan' tshin an'tsyuan' sin' gehtszyui goutszyan' vehidu. [Aspects of building a new border security structure in the context of Chinese modernization.] *Chzhungo zhehn'min' tshincha dasyueh syuehbao [Bulletin of the People's Police University of China.]* 2025;41(1):5-11. (In Chinese)
16. Li Chzhifehi. Kua tshin tsyuiyui khua fachzhan' yui sin' shidai Chzhungo byan'tshin an'tsyuan' chzhili. [Cross-border Regionalization and China's Border Security Management in the New Era.] *Vaitszyao Pinlun' [Diplomatic Review.]* 2024;41(6):2-23. DOI:10.13569/j.cnki.far.2024.06.001. (In Chinese)
17. Chzhan Litszyun', Chzhao Tsyun', Gun Zhunzhun. Sin byan' fumin' sindun 20 nyan' chzhehtseh shishi syaogo pintszya tshi chzhan'van. [Assessment and Prospects of the 20-Year Period of Implementation of Border Area Development Policy and Poverty Reduction Actions.] *Chzhunyan min'tszu dasyueh syuehbao (chzhehsyueh shekhuehi kehshyueh ban')*. [Bulletin of the University of National Minorities of the People's Republic of China (Issue: Philosophy and Social Sciences).] 2020;47(6):94-107. (In Chinese)
18. Li Chzhifehi. New forms and new meanings of security management in China's border areas in the new era. *Journal Of Changsha University of Science & Technology.* 2025;40(4):58-70. DOI: 10.16573/j.cnki.1672934x.2025.04.007. (In Chinese)
19. Novikov AN. The Role of International Transboundary Three-Component Regions in the Territorial Organization of Population and Economy (the Case of Transbaikal and Primorsky Regions): doct. geo. sci. diss. Chita; 2017. 365 p. (In Russian)
20. Sun Chzhouin, Chzhu Tsyaoiin. Chzhungo byan'tshin ditsyui deh chehnchzhehn' khua gehtszyui tshi tsi tsyuidun li. [Urbanization pattern and its driving forces in China's border areas.] *Dili Syuehbao. [Acta Geographica Sinica.]* 2020;75(8):1603-1616. DOI: 10.11821/dlx202008004. (In Chinese)

Информация об авторе

Кучинская Татьяна Николаевна, д-р филос. наук, доцент, профессор кафедры международного права и международных связей, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия; ведущий научный сотрудник, Забайкальский научный центр Института истории, археологии и этнографии народов ДВО РАН, г. Чита, Россия; KuchinskayaTN@zabgu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6335-3159>. Область научных интересов: востоковедение, синология, международные региональные исследования, региональные исследования Китая, приграничные и трансграничные исследования.

Information about the author

Kuchinskaya Tatiana N., Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of International Law and International Relations Department, Transbaikal State University, Chita, Russia; Leader Researcher, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences Institute of History, Archaeology and Ethnology, Transbaikal Scientific Center, Chita, Russia; KuchinskayaTN@zabgu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6335-3159>. Research interests: oriental studies, Chinese studies, international regional studies, Chinese regional studies, border and cross-border studies.

Статья поступила в редакцию 16.11.2025; одобрена после рецензирования 22.11.2025; принята к публикации 29.11.2025.

Received 2025, November 16; approved after review 2025, November 22; accepted for publication 2025, November 29.